

W. ЛЕТОПИСЬ СОВРЕМЕННОЙ ВЕЛЛЕТРИСТИКИ. 695

«Затрудненія Кукушкина усложнились еще неразсчитливостью его жены, которая почти ежегодно прибавляла въ бюджетъ новый расходъ на мальчика или дѣвочку; она старалась увѣрить, что сама была тутъ не причѣмъ, что на то была Божья воля, но никто не принималъ серьезно ея оправданій: вина всецѣло падала столько же на нее, сколько и на Порфиріи Петровича.

«Уже замѣчено кѣмъ-то, что меланхолики чаще другихъ людей ставятъ своихъ женъ въ интересное положеніе. Съ ними могутъ только соперничать разныя лица духовнаго званія. Не успѣвала Софья Васильевна отдохнуть отъ родовъ, — смотришь ее снова начинало тошнить»

Это не остроуміе, не юморъ, а тяжелый, грубый и грязный цинизмъ. Такъ остричь пише „старички“, засидѣвшіеся за столомъ послѣ сытнаго обѣда безъ дамъ и старающіеся превзойти другъ друга въ разсказѣ такихъ подробностей, отъ которыхъ коробитъ и тошнитъ cadaго нравственно здороваго человѣка, не потому, чтобъ онъ отличался какою-нибудь презиѣрной *prigderie*, а просто потому, что онъ къ гадостямъ пначе какъ съ гадливостью относиться не можетъ. Но читателямъ *Русской Мысли* вѣроятно это старческое сквернословіе нравится; въ противномъ случаѣ оно имъ не предлагалось бы.

Но, какъ мы уже сказали, Д. В. Григоровичъ держится этого невозможнаго тона лишь въ началѣ своего разсказа: начиная съ середины этотъ тонъ вѣроятно самому ему прискучилъ или опротивѣлъ, и онъ далѣе ведетъ весь свой разсказъ въ томъ простомъ, непринужденномъ, естественномъ тонѣ, образцы котораго видны изъ двухъ приведенныхъ нами выше жанровыхъ картинокъ его. Тѣмъ болѣе жаль, что онъ не далъ себѣ труда пересмотрѣть начало своего, дѣйствительно интереснаго, разсказа, съ цѣлью удаленія изъ него тѣхъ питевъ, которыя теперь ещѣ такъ обезображиваютъ.

II.

А. П. Чеховъ. *Бабы царство*. (Разсказъ). *Русская Мысль*. 1894 г. I.

Аниѣ Акимовнѣ идеть уже двадцать шестой годъ, но она еще не замужемъ, не смотря на то, что она красива, образована, умна, у нея миллионный заводъ, и ей самой очень хотѣлось бы выйти замужъ. Почему же она не выходитъ?

А выйти замужъ ей даже необходимо, такъ какъ сама она управлять заводомъ не можетъ, не умѣетъ, а директоръ завода Назарычъ и ее обкрадываетъ, и рабочихъ обижаетъ. Все это

она видитъ, знаетъ, обо всемъ этомъ она сокрушается и ясно понимаетъ, что для ея завода одно только спасеніе—чтобы прекратилось „бабье царство“, чтобы во главѣ ея дѣла стать дѣловой и преданный ей человекъ, который ничѣмъ не можетъ быть, какъ ея мужемъ. Она и по темпераменту, и по влеченію, и по убѣжденіямъ создана для честной, семейной жизни и постоянно о ней мечтаетъ и тѣмъ не менѣе замужъ не выходитъ.

Да что же ей, наконецъ, мѣшаетъ выйти замужъ?

Свѣтскіе предрассудки. Отецъ и дядя ея были простые мастера, впоследствии лишь разбогатѣвшіе и оставившіе ей громадный металлическій заводъ; а потому люди образованные, принадлежащіе къ хорошему обществу на ней не жепятся, а еслибы и женились, то только изъ-за ея денегъ, а этого она не хочетъ; въ тому же эти люди ничего не смыслили бы въ заводскихъ дѣлахъ, которыя попрежнему оставались бы въ рукахъ какого-нибудь Назарыча; ей самой хотѣлось бы выйти за дѣльнаго, умнаго, красиваго рабочаго на ея заводѣ, Пименова, но онъ ей не пара, такъ какъ онъ необразованный. Она, стало быть, въ безвыходномъ положеніи.

А тутъ являются разные соблазнитель. въ лицѣ, напримѣръ, присяжнаго повереннаго Лысевича и богомола Жузелицы.

Вотъ что ей говоритъ Лысевичъ, служащій присвоисугольтомъ при ея заводѣ, не наединѣ, а открыто, во всеуслышаніе, за параднымъ рождественскимъ обѣдомъ въ ея домѣ, въ присутствіи почетныхъ гостей въ родѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Крылина:

„— Живемъ *fin de siècle*, — а разужь молодую и, конечно, богатую, — должна быть независима, умна, изящна, интеллигентна, смѣла и немножечко развратна. Развратна въ міру, немножко, потому что, согласитесь, снотости есть уже утомленіе. Вы, милая моя, должны не прозавать, не жить, какъ всѣ, а смиксовать жизнь, а легкій развратъ есть соусъ жизни... Неужели вы думаете, что если вы во имя идей, которыя, впрочемъ, я глубоко уважаю, будете скучать и отказывать себѣ въ жгучей радости, то работамъ станетъ отъ этого легче? Ничуть! Нѣтъ, развратъ, развратъ! — сказалъ онъ рѣшительно. — Вамъ необходимо, вы обязаны быть развратной! Обожгуйте это, милая, обожгуйте!“

А богомолка говоритъ Аннѣ Акимовнѣ, такъ же не наединѣ, а въ присутствіи ея тетусиныхъ, живущихъ по старинѣ, слѣдующее:

„— Найдутъ-ка я тебя, Аннень, дакого-нибудь замѣшканнаго и простожытскаго челоука, приласи ты для видимости салонъ, а тогда — гуай, Малахай! Ну, мужу супремъ пять тысячъ или изъ десяти, и пусть идетъ, окуна

...и ты дома, сама себя госпожа, — кого хочешь, того любишь, и никто не смеет тебя осудить. И люби ты тогда своих благородных, да образованных. Эх, не жалею, а масляница! — Жужелица щелкнула пальцами и засмеялась. — Гуляй, Маша!

— А грѣх? — сказала тетюшка.

— Ну, грѣх! — усмѣхнулась Жужелица. — Она образованная, понимает. Человек зарѣзать или старика околдовать — грѣх, это точно, а любить или дружить даже очень не грѣх. Да и что тамъ, право! Никакого грѣха. Все это богомолки выдумали, чтобы простой народъ морочить. Я вотъ где-нибудь говорю — грѣх да грѣх, а сама и не знаю, почему грѣх... Не слушай, братъ, никого, живи, гуляй до сорока, а потомъ успеешь отомстить, — давить времени полною битъ, да савави шить. Богу свѣтка, алая и черту колеру! Валай все въ одно мѣсто!

Такъ, по увѣренію г. Чехова, говорить уважаемой всѣми и уважающей себя молодой хозяйкѣ дома присяжный повѣренный за параднымъ обѣдомъ и богомолка за семейнымъ ужинами!

Но допустимъ на минуту, что такіе разговоры действительно возможны въ нашемъ современномъ купеческомъ быту, что все это не выдуманно ради пикантнаго принама, допустимъ все это, чтобы посмотреть, какъ же именно поступить бѣдная Анна Акимовна въ виду (мнимой) невозможности ей выйти замужъ съ одной стороны и соблазнительныхъ совѣтовъ съ другой? Вѣдь все это только экспозиція, завязка разсказа. Весь вопросъ въ томъ, какъ героиня г. Чехова выйдетъ изъ этого затруднительнаго, даже безвыходнаго положенія.

У Анны Акимовны есть горничная „рыжая Маша“, которая любитъ лакея Мпшенку и очень горюетъ, не встрѣчая съ его стороны взаимной любви. Наслушавшись развратныхъ совѣтовъ присяжнаго повѣренняго и богомолки, Анна Акимовна хлопотъ вечеромъ въ постель и рѣшаетъ, что ей невозможно выйти замужъ за рабочаго Пименова.

И она думала также, что ей уже поздно мечтать о счастіи, что все уже для нея погибло и вернуться къ той жизни, когда она спала съ матерью подъ однимъ одеяломъ, или выдумать какую-нибудь поую, особенную жизнь уже невозможно.

Рыжая Маша стояла на козлахъ предъ постелью и смотрѣла на нее печально, съ недоумѣніемъ, потому и сама заплакала и припала лицомъ къ ея рукамъ; и безъ словъ было понятно, отчего ей такъ горько.

— Дуры мы съ тобой, — говорила Анна Акимовна, плача и смѣясь. — Дуры мы! Ахъ, какіе мы дуры!

Конецъ.

Антонъ Чеховъ.

Такимъ образомъ оказывается, что г. Чеховъ нагромождаетъ вокругъ своей героини разныя возможныя и невозможныя препятствія и опасности не для того, чтобы показать намъ, какъ она изъ нихъ выйдетъ, а для того, чтобы намъ *ровно ничего не показать*. Такъ поступаютъ плохіе рассказчики, которые, запутавъ свой рассказъ, для возбужденія интереса, всевозможными ингредиентами, сами уже изъ этой путаницы выйти не могутъ. бросаютъ свой рассказъ и предоставляютъ самому читателю окончить его по своему усмотрѣнію. Но читателемъ овладѣваетъ въ такихъ случаяхъ такое разочарованіе, что онъ сразу охладѣваетъ къ герою неоконченнаго рассказа и болѣе о его дальнейшей судьбѣ не заботится.

Но г. Чеховъ, очевидно, не можетъ быть причисленъ къ разряду плохихъ рассказчиковъ. Чѣмъ же объяснить его неоконченный рассказъ?

Мы, можетъ-быть, ошибаемся, но на насъ этотъ рассказъ производитъ впечатлѣніе начала обширной повѣсти или даже романа, какихъ много накопилось въ портфеляхъ литераторовъ. Пока авторы ихъ еще находятся въ началѣ своего поприща, они берегутъ эти недовѣрчивыя повѣсти въ надеждѣ когда-нибудь дописать ихъ до конца и ни за что не согласятся появляться съ ними в печати, какъ не согласились бы появиться въ обществѣ въ халатѣ. Но, достигнувъ славы, они выкладываютъ изъ своего портфеля всѣ свои залежавшіеся наброски, этюды и обрывки и спускаютъ ихъ въ журналы подъ видомъ какъ бы истинныхъ „рассказовъ“. Конечно, такъ поступаютъ не всѣ писатели, а лишь тѣ, которые способны жертвовать своимъ искусствомъ инымъ болѣе практическимъ цѣлямъ. Не назови г. Чеховъ своего *Бабьяго царства* тайнымъ громкимъ именемъ, не назови онъ его „рассказомъ“, а просто „этюдомъ“, и критика ничего не могла бы сказать *противъ* этого этюда, такъ какъ этюды вообще художественной критикѣ не подлежатъ. Но коль скоро мы имѣемъ предъ собою „рассказъ“, мы въ правѣ требовать, чтобы онъ имѣлъ начало и конецъ.

Мы еще разъ повторяемъ, что можемъ ошибаться относительно первоначальной исторіи *Бабьяго царства* и намѣреній г. Чехова. Можетъ-быть, онъ считаетъ, что его рассказъ оконченъ, такъ какъ всѣ данныя для его окончанія даны, а потому онъ и не имѣетъ надобности досказать до конца, что случилось съ Анною Акимовной послѣ того, какъ она себя съ ружьемъ Машей

объявила „дуранин“. Но въ томъ-то и дѣло, что въ рассказѣ дан-
ныхъ для его окончанія *нѣтъ*; мы только ясно видимъ, что Анна
Акимовна и раньше испытывала такіа же колебанія, какія опи-
саны въ рассказѣ, в позѣ будетъ испытывать ихъ, но чѣмъ они
кончатся, ни она, ни мы, ни г. Чеховъ не знаетъ.

Намъ очень хорошо извѣстна та теорія повѣйшей эстетики, по
которой художники вовсе не обязаны непременно *рѣшать* во-
просы: они могутъ-же, если имъ угодно, ограничиться одною
ихъ постановкой. Мы въ данномъ случаѣ не станемъ возражать
противъ этой теоріи, но если она права, то какой же вопросъ
„поставилъ“ намъ г. Чеховъ? Вопросъ этотъ могъ бы быть фор-
мулированъ слѣдующимъ образомъ:

„Какъ должна поступить молодая, умная, богатая, образованная
дѣвушка небогатаго происхожденія: выйти замужъ или раз-
вратничать?“

Но какой же это вопросъ? Тутъ и вопроса быть не можетъ:
конечно она должна выйти замужъ. Но за кого? Да неужели
для нея свѣтъ клиномъ сошелся, и она никого кромѣ рабочаго
Пименова полюбить не можетъ? Г. Чеховъ поставилъ свою
героиню въ какою-то искусственную обстановку, въ которой
она видитъ только двухъ, трехъ несимпатичныхъ ей людей. По-
чему же она никого другаго не видитъ? Неизвѣстно. Почему
она не живетъ въ Москвѣ или въ Петербургѣ? Неизвѣстно.
Почему ей не могъ бы поправиться образованный, но вмѣстѣ
съ тѣмъ и *длинной*, и *честный* человекъ? Развѣ такихъ нѣтъ?
Развѣ всѣ образованные люди похожи на того присяжнаго по-
вѣреннаго, который за обѣдомъ во всеуслышаніе сопѣтуетъ Аннѣ
Акимовнѣ „развратничать“?

Все это вопросы, на которые г. Чеховъ намъ отвѣта не даетъ,
а безъ нихъ и поставленный имъ вопросъ самъ собой падаетъ.

III.

Художникъ В. В. Верещагинъ. Литература. (Повѣсти. Русская
Мысль. 1894 (I, II, III).

Въ повѣсти В. В. Верещагина мы находимъ два совершенно
разнородные элемента: дышащія правдой картины изъ послѣдней
Турецкой войны, и наивно-сентиментальную романическую исто-

W.
(В. А. Трингмундъ?)
Повѣсть В. В. Верещагина
изъ цикла „Русская Мысль“